

Хуан Ли присоединился к разговору:

— Я в последнее время боюсь играть в баскетбол. Она каждый день в шесть утра появляется на площадке. Мы играем нормально, но как только она появляется, мои товарищи передают мяч противнику, все идет наперекосяк, играть невозможно. Она еще смотрит на меня странным взглядом, будто я организовал эту игру.

Ян Лэси, как классный руководитель, в этом вопросе была на стороне руководства:

— Подожди, ты должен взять на себя хотя бы пятьдесят процентов ответственности. Ты играешь хорошо, и если ты участвуешь, игра становится интереснее. Это привлекает тех, кто хорошо играет, а также тех, кто любит баскетбол, но не очень умеет. Хуан Ли, когда тебя нет, на площадке становится вдвое меньше людей.

— А? — Хуан Ли открыл рот, глаза расширились.

Учитель Ян продолжила:

— Ты знаешь, как сильно игра влияет на учебу?

Хуан Ли возразил:

— Ты что, становишься все более консервативной из-за учительства? Умеренные физические нагрузки улучшают кровообращение, снимают стресс. Вы, учителя, хотите выжать из учеников все соки, чтобы они учились день и ночь?

Учитель Ян говорила серьезным тоном:

— Ты ошибаешься. Наша школа выделяет время для внеклассных занятий, чтобы ученики могли расслабиться и набраться сил для вечерних уроков. Но мы переоценили способность учеников к самоконтролю. Многие парни даже прогуливают уроки ради игры. Даже если они возвращаются вовремя, они потеют и не могут сразу сосредоточиться на учебе.

Хуан Ли не мог возразить и посмотрел на Цяо Чжэн:

— Как думаешь, кто прав?

Цяо Чжэн посмотрела на учителя физкультуры, затем на учителя физики:

— Я думаю, что учитель Хуан прав. К тому же, ученики с плохим самоконтролем, даже если не будут играть, все равно не будут сосредоточены на учебе.

Ян Лэси кокетливо сказала:

— Цяо, ты ставишь дружбу ниже симпатии.

Цяо Чжэн посмотрела направо и налево:

— О каком симпатии ты говоришь? А, ты про учителя Хуана? Моя собака у него живет.

— Ой, — тихо вскрикнула Ян Лэси, поправила распущенные волосы, закрывая лицо, и наклонила голову так низко, что волосы чуть не попали в суп. — Закройте меня, я вижу «истребителя».

Цяо Чжэн оглянулась и увидела, что Янь Цзэ сидит в углу у окна, вокруг никого нет. Она неторопливо пила воду и ела, очень аккуратно.

Цяо Чжэн сказала Ян Лэси:

— Разве это не твоя богиня? Ты должна была бы визжать, дарить цветы и просить автограф.

Ян Лэси покачала головой:

— Нет, нет, не двигайся, закрой меня.

Цяо Чжэн внезапно встала и сказала:

— Вы ешьте, я пошла.

— Эй, куда ты?

Цяо Чжэн уже ушла, неся тарелку, и села рядом с Янь Цзэ.

Ян Лэси была в шоке:

— Что она делает?

Хуан Ли, набивая рот едой, сказал:

— Может, идет за автографом.

Янь Цзэ съела несколько кусочков и остановилась:

— Зачем ты пришла?

— Ты ешь так мало, вот, возьми мой мясной шарик.

Цяо Чжэн наколола шарик и положила его на тарелку Янь Цзэ.

Янь Цзэ нахмурилась.

Она даже не дала ей возможности отказаться.

Если бы она спросила: «Ты будешь шарик?», она могла бы сказать «нет». Но Цяо Чжэн была слишком прямолинейна, просто положила его на тарелку. Если бы она сейчас убрала его обратно, это было бы неловко.

— Если это из-за фото, не нужно так. Ты думаешь, я собираюсь опубликовать их где-то? У меня нет аккаунтов в соцсетях, я не играю в Q.Q., не публикую личные посты в друзьях. Ты думаешь, я выложу их в родительский или учительский чат? Если бы я так сделала, это испортило бы не только твой образ, но и репутацию школы. Родители подумали бы, что за дурацкие классные руководители в Первой средней школе.

— Твои волосы.

Цяо Чжэн почувствовала, как что-то холодное коснулось ее уха, кожа головы слегка зачесалась, и несколько волос, которые вот-вот упали бы в соус, были отодвинуты назад.

Она застыла, даже не почувствовав вкуса картофеля, который жевала, и проглотила его механически. Ей потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Пальцы Янь Цзэ были холодными, как будто из камня, и их прикосновение вызвало странное, незнакомое ощущение, которое пронзило ее сердце.

Кожа около ушей очень чувствительна, и ее не касаются даже близкие люди. А Янь Цзэ коснулась даже ее мочки уха.

Она была так взволнована, что не могла успокоиться, а Янь Цзэ спокойно разобрала шарик на кусочки и ела их маленькими порциями.

— Ты завела волосы, как лапша, это неудобно.

— Это называется «завитки груши»... Какая лапша? Ты сама как морская капуста!

Цяо Чжэн поправила свои волосы. Она любила использовать шампунь с сильным ароматом, и при движении волосы распространяли запах.

Янь Цзэ действительно внимательно посмотрела на ее волосы. Они были прямыми сверху и завитыми снизу, с легким золотистым оттенком. Кончики завивались внутрь, частично закрывая лицо, делая его более нежным и изящным. Длинная шея и волосы, рассыпанные по ключицам, делали ее похожей на звезду. Неудивительно, что она так дорожит своей внешностью. Она была красивой от природы, умела себя подать, молодая, живая.

Женщины украшают себя для тех, кто их ценит, но Янь Цзэ думала, что Цяо Чжэн каждый день наряжается не для того, чтобы угодить другим. Ей нравится быть красивой, любить себя. Молодость не вечна, и она имеет право одеваться красиво, краситься ярко.

Цяо Чжэн была как красный винный уксус — не такая выдержанная, как вино, но кисло-сладкая, возбуждающая чувства.

Цяо Чжэн почувствовала, что Янь Цзэ смотрит на нее, ее взгляд был прямым, но не навязчивым. Она невольно поправила волосы, слегка смутившись.

Зачем она на меня смотрит?

Цяо Чжэн решила сосредоточиться на еде, но все равно чувствовала, что Янь Цзэ продолжает смотреть. Она боялась посмотреть в ответ, вдруг их взгляды встретятся, и будет неловкое молчание.

Она признала, что легко поддается на провокации. Она сама может кого-то задеть, но если кто-то задевает ее, она сразу теряет контроль.

И учитель Янь была такой сдержанной, с легкой долей запретности.

Ее взгляд никогда не был пылким, не обжигал, но был ясным, как солнечный свет на снегу.

Она быстро доела картошку, на губах остались следы масла.

Янь Цзэ достала салфетку и передала ей. Цяо Чжэн машинально взяла ее, вытерла губы, затем достала из кармана джинсовой юбки зеркальце и помаду. Она покрасила губы перед едой и после еды, для нее это было так же важно, как мыть руки до и после еды. Она не могла терпеть, если на лице был полный макияж, а губы оставались без помады.

Она считала, что помада — это самое важное в макияже женщины. Она могла не наносить

тональный крем, не красить глаза, но помаду — обязательно.

Янь Цзэ наблюдала, как она тщательно красит губы. Помада скользила по губам, оставляя насыщенный ягодный оттенок. Даже без макияжа Цяо Чжэн была красивой, ее губы были слегка розовыми, с нежной текстурой, верхняя губа чуть приподнята, что делало ее милой.

Янь Цзэ не удержалась и спросила:

— Ты так делаешь каждый раз, когда ешь? Стираешь и снова красишь?

Цяо Чжэн убрала помаду, повернулась, и ее лицо действительно стало ярче, губы блестели, как звезды.

— Перед едой стираю, но когда перекусываю, иногда забываю. Женщина за жизнь съедает около полукилограмма помады.

Янь Цзэ была в ужасе:

— В ней же тяжелые металлы, разве это не вызывает хронического отравления?

— Ты слишком много думаешь, учитель Янь.

Янь Цзэ не разбиралась в этом, и продолжать разговор было бы неуместно. Она опустила голову, и что-то блеснуло у нее перед глазами. На правом указательном пальце Цяо Чжэн было белое золотое кольцо. Оно не сверкало, как алмаз, но его чистый и благородный цвет идеально сочетался с простой и возвышенной любовью.

Это было простое кольцо, без украшений, только с волнообразным узором в центре ободка.

Оно совсем не соответствовало яркому стилю Цяо Чжэн.

Цяо Чжэн неожиданно спросила:

— На что ты смотришь?

— Я... на твое кольцо... Оно... необычное...

Спросив, она сразу пожалела. Кольца — это личные вещи, часто с особым значением. Ее вопрос был слишком навязчивым.

— Угадаешь?

Цяо Чжэн вдруг приблизилась, почти шепотом произнесла эти слова.

Ее теплое дыхание коснулось лица.

— О, не знаю, я просто спросила.

<http://bllate.org/book/15542/1382851>